

действительно первая книжка «Девчата». Была не так давно книга «Любовь» — редкая в наши времена книга, целиком посвященная этому вечному и прекрасному чувству. Но что верно, то верно: книга «Заветы» писалась всю жизнь, даты под стихами подтверждают это. Может быть, потому она так неровна, рядом с прекрасными стихами нашли себе место относительно слабые. Едва ли могут быть признаны удачными такие, например, строки, как «шел в черные сукна прохожий одет» или «ненавидя и зевая, этот мир кругом пауч». Но, думается, правы были на сей раз и автор, и издательство, выпустив книгу «непричесанной», такой, какая она есть, какая сложилась за десятилетия. Ведь это — поэзия-документ. Потому что придумать то, о чем написана книга Натальи Астафьевой, — невозможно.

Илья Фояков.

*

РАДИЙ ФИШ. *Спящие пробудятся.* Исторический роман. М. «Советский писатель». 1989. 528 стр.

Бедреддин Махмуд Симавна Кадысьогулу...

Встретив это имя в романе Радия Фиша, я, пожав плечами, переиначила стихотворную строчку: «Хоть имя чуждо...» Дочитав роман, повторил вслед за Владимиром Соловьевым: «...но мне ласкает слух оно».

Кто ж этот человек, посетивший сей мир бездну лет тому назад?

Мыслитель. И притом не уездного ранга. Полководец, но не покоритель, а освободитель — вождь крестьянской войны. К тому же (пользуясь современным термином) интернационалист. Его трагическая судьба дождалась своего художника.

Исторический романист предполагает у нас с вами некоторую предварительную осведомленность. Боюсь, средние века Османской империи известны широкому читателю несколько меньше, чем другая сторона Луны. Исторический романист имеет дело с обстоятельствами места действия. А тут они таковы, что даже в памяти бывших отличников осталось что-то вроде бледно-сизой контурной карты.

Все это, однако, жухнет перед психологическими трудностями. Их степень возрастает вместе с временной отдаленностью. Сказано давно и сказано справедливо: перебираясь в прошлое, романист должен расстаться с тяжелым грузом домашних впечатлений, представлений, привычек. А это совсем не так просто, как может показаться вчуже. Необходимы жесткий самоконтроль, неуспяная бдительность.

Сдается, на русском языке нет ни одной монографии о Бедреддине (1359—1411). Метода компиляций и прямых заимствований, присущая романисту-скоропечатнику, в данном случае просто-напросто неисполнима технически. От автора требовались и самостоятельные разыскания и самостоятельное осмысление, усилия долгие и добросовестные.

Странствуя в духовной сфере, Бедреддин припадал к родникам реальностей. Удаляясь от правоверной схоластики, приближался к

еретическому суфизму, как бы аукаясь с протестом плебса, «низов». Кстати сказать, философия этого сложного течения представлена в нашей специальной литературе совсем недавно (М. Т. Степанянц. Философские аспекты суфизма. М. «Наука». 1987; Дж. С. Тримингэм. Суфийские ордены в исламе. М. «Наука». 1989).

Но Бедреддин странствовал и в прямом смысле слова. В тех же широтах и долготях странствовал и автор. Не залетным туристом, а несуетным литератором и востоковедом. Романная панорама Ближнего Востока не романтична, а многоцветна и рельефна; ее видишь глазами героев книги: пышность и лохмотья, тонкая образованность и грубое невежество, быстрая кровь междоусобиц и тяжкий пресс тиранства.

Разрывая плотные завесы веков, Бедреддин шаг за шагом приближается к читателю и доверительно берет за руку. У него страстный темперамент. Его душа работает, ум бодрствует. Он сострадает ближним, даже если они дальние. Он любит женщину. Бедреддин в романе Р. Фиша — человек. А человек только тогда велик, когда он человекен.

Эпопея крестьянской войны занимает в книге (и это оправданно) значительное место. Ее вдохновитель — Бедреддин; предводители — ученики Бедреддина; действующие лица — крестьяне, ремесленники, рыбаки. Именно лица, а не маски. И какая удивительная россыпь подробностей обыденщины, какая нестрота при внутреннем единстве.

Радищев не без горечи отмечал, что пугачевцы, увлеченные мщением, не взбудрили социальную новину. Усилия поднять ее, описанные в романе на багровом фоне не бессмысленного мужицкого восстания, исполнены глубокого значения. То был могучий порыв к справедливости. Попытка придать земные черты поднебесной утопии социалистического толка.

Невнимание к языку, к поэтике исторической прозы — почти хронический грех текущей критики. На том и себя ловлю — обращаюсь вскользь, под занавес. Испытываешь недоверие и даже как бы чувство неловкости, читая повествование о далеком прошлом, написанное шершавым или полированным языком сегодняшнего дня. А роман, напигированный архаизмами, вызывает что-то похожее на астматическое дыхание. У Радия Фиша и тут были особые трудности. И потому, что он реставрировал очень далекую эпоху, и потому, что изображал людей и события Востока. Думаю, автору удалось избежать и тины архаики, и скороговорки модерна. Это не средний путь; это тернистый путь.

Книга, мне кажется, принадлежит к тем, что ныне называют романами-исследованиями. Она обладает чрезвычайно важным достоинством, пробуждая интерес и тягу к истории Востока, заставляя призадуматься над кривобокостью европоцентризма.

Восток и Запад давно «сошли с мест». И проблемы Востока отнюдь не на проселках проблем мировых

Юрий В. Давыдов.

*